

II. История идей

Владимир Кантор

Федор Степун о Германии

Настоящий писатель, мыслитель всегда находится в ситуации *находимости-вненаходимости*. Иными словами, он видит жизнь *изнутри*, но *одновременно как бы извне*. Это *извне* дается либо происхождением из иной культуры (как у Гоголя), негритянским предком (как у Пушкина), образованием (как у всех дворянских писателей), каким-либо поворотом судьбы, каторгой, к примеру (как у Достоевского или Шаламова). Это состояние души рождает у пишущего то *бинокулярное зрение*, которое дает объемность и рельефность изображаемому. Только настоящий художник обладает таким зрением. Им обладал Степун.

«Мой отец, - писал Степун, - <...> был выходцем из Восточной Пруссии, где Степуны (исконное начертание этой старо-литовской фамилии Степунесы, т.е. Степановы) с незапамятных времен владели большими земельными угодьями между Тильзитом и Мемелем»¹. Как видим, по крови, по происхождению Степун был немцем. Но родился в России и рос как русский ребенок, хоть и с немецкими корнями. Правда позднее он не без иронии замечал, что прусское происхождение его семьи уже было не совсем немецким: «Вся исконная, т.е. юго-западная Германия <...> не считает пруссаков за настоящих немцев, что они чуть ли не наполовину славяне»². Таким образом сам Степун подчеркивал свое изначальное двумирье, позволявшее ему пристально и без патетической восторженности подойти к обоим культурам.

В истории философии он остался как русский философ. Однако без Германии, без немецкой школы, без немецкого опыта, а далее и сорокатрехлетней жизни в Германии (из восьмидесяти одного года жизни), куда, впрочем, стоит приплюсовать и его восьмилетнее обучение в Гейдельберге (1902-1909). Вообще надо сказать, что школа немецкого философствования была характерна для всех русских философов. Началось это еще с конца XVIII века. Германия конца XVIII

¹ *Степун Федор*. Бывшее и несбывшееся. В 2-х т. Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1990. Т. I. С. 49.

² Там же. С. 50.

в. была еще экономически и политически раздробленным полуфеодальным государством с отсталой сферой производства, помещичьим землевладением, реакционными порядками. Буржуазные революции, произошедшие в Англии и во Франции, привели к идейному пробуждению “третьего сословия” Германии. Более того, эта раздробленность, как в античной Греции и возрожденческой Италии способствовала пробуждению энергетики мысли. Это была эпоха величайших немецких мыслителей, поэтов, композиторов: Гете, Шиллер, Лессинг, Гофман, Фридрих и Август Шлегели, Людвиг Тик, Новалис, Гёльдерлин, Глюк, Моцарт, Бетховен... И, надо сказать, проснувшаяся к европейской жизни Россия сразу это тогда заметила, отметив и то, что немцы ныне выполняют роль греков. Карамзин, посетивший Канта, Гердера, Виланда, наследниками древних греков назвал немцев: «Гердер, Гете и подобные им, присвоившие себе дух древних Греков, умели и язык свой сблизить с Греческим и сделать его самым богатым и для Поэзии удобнейшим языком»³. На Гегеле и Шеллинге, как известно, вырастала русская мысль, гегельянцами и шеллингианцами были поначалу весьма многие большие русские философы. В немецкие университеты ездили учиться. Потом некоторое затишье в этом германском влиянии, пока русские вместе со всей Европой не увлеклись идеями Маркса, Ницше, Маха. В русской мысли произошел тогда своеобразный немецкий ренессанс.

Слова Степуна в начале XX века буквально рифмуются с мыслью Карамзина. В передовой статье в «Логосе» 1910 г., Федор Степун писал, что немецкая философия играет в Новое время ту роль, какую играла греческая философия в Античности. Цитирую: «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая»⁴. Не случайно, Канта не раз по значимости сравнивали с Платоном. Классическая немецкая философия продуцировала идеи и методы по всему миру. Продолжу цитирование Степуна: «Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше»⁵.

В Гейдельберге он учился вместе с С. Гессеном, Н. Бубновым и другими русскими студентами. Степун слушал лекции Виндельбанда⁶, который преподавал

³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 78.

⁴ Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 798.

⁵ Там же.

⁶ У Виндельбанда позже, в 1913 г., занимался и близкий Степуну Лев Зандер.

ему первый урок о разности подхода немцев и русских к высшим вопросам бытия («разность наших духоустремлений», как назвал это Степун). Молодой студент «приехал в Европу разгадывать загадки мира и жизни»⁷, он требовал от профессора личного соучастия в вопросах о Боге, бессмертии и т.д., но Виндельбанд, «ласково улыбнувшись мне своею умно-проницательною улыбкою, <...> ответил, что <...> у него, конечно, есть свой ответ, но это уже его "частная метафизика" (Privatmetaphysik), его личная вера, не могущая быть предметом семинарских занятий»⁸. Степун во многом усвоил эти уроки. Сошлюсь на слова Л. Зандера: «В структуре его души и творчества европейская и в частности германская традиция имеют огромное значение и можно сказать определяют собой его духовный лик. Он - европеец в лучшем смысле этого слова, он - представитель западной культуры, западного трудолюбия, западной честности и ответственности, и эта печать лежит на всем, что он делал, говорил и писал»⁹. Потом при помощи Г. Риккерта Степун вместе с русскими и немецкими друзьями организовал международный философский журнал «Логос». В журнале печатались Зиммель, Риккерт, Гуссерль. Сам он писал о немецких романтиках, Фридрихе Шлегеле, Рильке. Это был период, когда Степун считал основной своей задачей усвоить русской философии немецкие идеи последних лет, полагая в этом фактор европеизации России. А Степун был классический «русский европеец», как определял русского мыслителя его ученик профессор А. Штаммлер.

Друг его юных лет Л. Зандер писал уже в конце жизни Степуна об этом увлечении русских философов Германией: «В этой нашей устремленности к культуре был однако один большой пробел, вернее односторонность. Европа являлась нам в своем немецком аспекте; Германия была для нас не только представительницей Европы, но едва ли не заслоняла собою другие лики Европы — французский, английский, итальянский, испанский — не менее значительные, чем германский. Эта aberrация была очень распространенной; как на пример ее укажем на описку такого глубокого ума, как о. Сергия (тогда профессора Сергея Николаевича) Булгакова. В своем предисловии к «Свету Невечернему» он пишет: «С тех пор, как Петр прорубил свое окно в Германию...» (sic!) и далее сетует на «засилие» Германии над русской душой. И правда — все мы ехали учиться в Германию, все мы увлекались неокантианством; и никто не думал и даже не знал имен Леона Блуа, Шарля Пегги, Маритена...»¹⁰

Но призыв учиться у Германии, как некогда средневековая Европа училась у древних греков, вызвал резкое возмущение у славянофильски ориентированных русских мыслителей. Скажем, Владимир Эрн иронизировал: «Чтобы попасть в Афины, необходимо “перелететь”

⁷ *Степун Федор*. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. С. 104.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ *Зандер Л.* О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // *Мосты*. 1963. № 10. С. 322.

¹⁰ Там же.

...на крыльях лебединых

Двойную грань пространства и веков...

Это далекое и трудное путешествие (некоторым философам) казалось, очевидно, “несовременным”. “Крыльям” они предпочли билеты II класса, “двойной грани” — русско-немецкую границу, античным Афинам — современные: Фрейбург, Гейдельберг, Марбург, Вюрцбург и прочие университетские города несвященной Германской империи. Запасшись там философскими товарами самой последней выделки, они приехали в Россию и тут, окруженные варварством, почувствовали себя носителями высшей культуры...»¹¹. Отстаивание немецкого принципа философствования в тот момент, когда шла война с Германией, когда, по выражению того же Эрн, «время славянофильствовало», а движение немецкой культуры шло «от Канта к Крупну» (Эрн), требовало определенной стойкости. Не забудем, правда, и того, что Степун в отличие от «патриотических философов», был в действующей армии на германском фронте как русский прапорщик-артиллерист. Впоследствии в нацистской Германии это будет поставлено ему в вину.

Такую же позицию, как у Степуна, можно найти разве что у Марины Цветаевой, писавшей в декабре 1914 г.:

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland,
Где всё еще по Кёнигсбергу
Проходит узколицый Кант
«Германии»

В отличие от Эрн, никакого меонизма [от греческого «меон», «небытие» - Прим. ред.] в немецкой философии она не видела. Затем пришла эпоха двух революций, когда разрушение России происходило под прикрытием марксистских тезисов. Степун и здесь не сдает позиций, отвергая вину немецкой философии в происходящем: «По целому ряду сложных причин заболевшая революцией Россия действительно часто поминала в бреду Маркса; но когда люди, мнящие себя врачами, бессильно суется у постели больного, выдают бред своего пациента за последнее слово науки, то становится как-то и смешно, и страшно»¹².

В результате издания Степуном первого русского сборника, посвященного трактату Шпенглера, сочтя его почему-то «прикрытием белогвардейской организации», Ленин выслал в 1922 г. из России часть русских философов. Они были изгнаны из России в Германию по договоренности с германским генеральным штабом, с которым у большевиков были тайные связи. Вряд ли изгнанники думали об этом, но они очень хотели передать свой невероятный для

¹¹ Эрн В.Ф. Борьба за Логос // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 72.

¹² Степун Ф. Мысли о России. Очерк VI (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и современная литература. Эмигранты и большевики) // Степун Ф.А. Сочинения. С. 283.

начала XX века духовный опыт приютившей их стране. Стоит привести слова, которыми С. Франк завершил свою книгу «Крушение кумиров»: «Великая мировая смута нашего времени совершается все же не даром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение бесцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет сомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в глубинах ада, вкусившие, как никто, все горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью»¹³. Беда была в том, что никто не хотел их слушать. Они не искали доходов и денег, нищая жизнь, скажем, Франка слишком известна¹⁴, они хотели быть востребованными как идеологи. Но Европа русским опытом пренебрегла, пока не свалилась в кошмар нацизма.

А русский опыт был очень важен. Интересно, что, пройдя как Данте сквозь ад, русские мыслители чувствовали себя взрослее своих вчерашних учителей, даже в интонации их рассуждений о Германии чувствуется отныне некая снисходительность взрослых по отношению к детям. Степун пишет о России, обращаясь к европейцам, одна из его книг выходит по-немецки, и здесь существенно отметить, что с этого момента Степун уже начинает восприниматься не только как русский, но и как немецкий писатель. О владении им немецким языком стоит привести слова Г.П. Федотова: «Нужно ли говорить о мастерстве, с которым написана книга? Тем из наших читателей, кто знает лишь русского Степуна, скажем, что, по-видимому, немецкий язык дает полную меру всех возможностей его стиля. Этот пьянящий кубок, где философские абстракции играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гете и Ницше. Степун владеет им, как артист и как мыслитель»¹⁵.

Он слишком хорошо видел, как Германия иным путем, но скатывается туда же, куда уже скатилась Россия, по его выражению «в преисподнюю небытия». В 1931 г. он писал своему другу Густаву Кульману¹⁶: «При помощи теории Ницше

¹³ Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 180.

¹⁴ Сын Франка вспоминал: «Свои лучшие труды он создал именно на чужбине, в труднейших бытовых условиях и, большей частью, в полном духовном одиночестве» (Франк В.С. Семен Людвигович Франк. 1877-1950 // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 3).

¹⁵ Федотов Г.П. (рец.). Fedor Stepun. Das Anlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern/Leipzig. Gotthelf-Verlag, 1934. // Новый град. Париж. 1934. № 9. С. 94-95. (Подпись - Г.Ф.).

¹⁶ Густав Густавович Кульман (1896-1961), швейцарец, родившийся в Голландии, учился в Йельском университете. Юрист по профессии, поклонник русской культуры, он встречал русских философов, высланных «на философском пароходе», помогал в их трудоустройстве, один из создателей и соредкторов (вместе с Бердяевым) журнала «Путь», работал в «Имка-пресс», с 1931 г. работал в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. С 1938 г. - заместитель Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН,

и Бахофена, теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается, как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. Главы истории Рейн, восточная граница и немецкие меньшинства. Такая помесь Ницше и Илловайского, мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что Германии, при всех ее великих дарах, не дано дара политической мысли»¹⁷.

В эти годы он становится для русской эмиграции признанным *консультантом по Германии*. В «Современных записках» и «Новом Граде» он написал несколько статей, специально посвященных немецким проблемам¹⁸, не считая постоянных и привычных для него сопоставлений немецкой и российской мысли. Проблемы Германии не могли не волновать изгнанную из своей страны русскую интеллигенцию. Слишком много общего с большевизмом находили эмигранты в поднимавшемся национал-социализме. Россия и Германия слишком тесно сплелись в этих двух революциях - от поддержки Германией большевиков до поддержки нацистов Сталиным. Степун заметил, что и сами нацисты видят эту близость. Он фиксирует идеи Геббельса о том, что «Советская Россия самую судьбою намечена в союзницы Германии в ее страстной борьбе с дьявольским смрадом разлагающегося Запада. Кратчайший путь национал-социализма в царство свободы ведет через Советскую Россию, в которой «еврейское учение Карла Маркса» уже давно принесено в жертву красному империализму, новой форме исконного русского «панславизма»¹⁹.

Содержание *немецких статей* Степуна самое простое: обзоры современной немецкой литературы (о Ремарке, Юнгере, Ренне и т.п), анализ политических событий (выборы президента и т. п.). Но второй смысл - сравнение двух стран с такой похожей судьбой: слабость демократии, вождизм, умелая спекуляция тоталитарных партий на трудностях военной и послевоенной разрухи. И прежде всего отказ от рационализма и подыгрывание иррациональным инстинктам масс: «Как всегда бывает в катастрофические эпохи, в катастрофические для Германии послевоенные годы стали отовсюду собираться, подыматься и *требовать выхода*

занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. Степун был его многолетним другом, начиная с 20-х гг.

¹⁷ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

¹⁸ Германия // Современные записки. 1930. Кн. 42. С. 413-427; Письмо из Германии. Формы немецкого советофильства // Современные записки. 1930. Кн. 44. С. 448-463. (Подп. - Николай Луганов); Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Современные записки. Париж. 1931. Кн. 45 (XLV). С. 446-474. (Подп.: Николай Луганов) и др.

¹⁹ Степун Ф. Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Степун Ф.А. Сочинения. С. 890.

в реальную жизнь иррациональные глубины народной души (курсив мой. - В.К.). Углубилась, осложнилась, но и затуманилась религиозная жизнь. Богословская мысль выдвинулась на первое место, философия забогословствовала, отказавшись от своих критических позиций»²⁰. Переключка с предреволюционной российской ситуацией очевидная.

Замечая, что, несмотря на самообольщение молодых национал-социалистов о возврате страны в Средневековье (христианское по своей сути), на самом деле Германия прыгнула в новое варварство, Степун пишет, что *идеократический монтаж Гитлера* с утверждением свастики вместо креста, германской крови вместо крови крестной, ненавистью к немецкой классической философии, к «лучшим немцам типа Лессинга и Гете» *родился «не в немецкой голове, а в некрещеном германском кулаке»*²¹ (курсив мой. - В.К.).

Иными словами, он резко разводит ту классическую немецкую философию, на которой выросла изгнанная из России русская мысль, и то, что пытались подменить ее. Наконец, его позиция вызвала то, что должна была вызвать – возмущение нацистских чиновников от образования, на него поступил донос, и он был изгнан из Дрезденской Высшей Технической школы. Сам он так откомментировал свое изгнание в письме к Кульману: «В школе весь семестр шли неприятности, которые к концу завершились моим удалением в отставку. Удален я внешне по весьма приличному параграфу, гласящему «об упрощении управления», но за этим нейтральным термином кроются другие мотивы, выяснившиеся в моей переписке с министерством. Был я уволен в сущности по двум мотивам. Во-первых, за христианский антирасизм, во-вторых, за русскость, не позволяющую меня рубрицировать как «заграничного немца», вернее, как члена заграничной немецкой колонии»²². Жизнь его стала не очень предсказуемой, что он и сам понимал, замечая в письме к тому же адресату: «Ты сам лучше меня знаешь, что жизнь в Германии для такого человека, как я, вызывает ощущение пациента, у которого на рту лежит маска с хлороформом. Дышать трудно, предчувствуешь операцию и спрашиваешь себя по Киркегору, что это кризис – к смерти или к избавлению»²³.

Он действительно выжил чудом. Имел все предпосылки погибнуть от нацистов, но не погиб. Потом в день, когда англичане свирепо разбомбили Дрезден, не щадя мирных жителей, дом Степуна был полностью уничтожен, там погибли его архивы и годами собиравшаяся им библиотека. Но он и его жена в эти дни были за городом – и уцелели. Катастрофа была серьезная, но «любимец Фортуны», как иногда называли Степуна, в эти годы написал свой шедевр – свои мемуары, рукопись была с ним, и тоже уцелела. Но одновременно с этой страш-

²⁰ Степун Ф. Германия «проснулась» // Там же. С. 484.

²¹ Степун Ф. Письмо из Германии. (Национал-социалисты). С. 900 (курсив мой. - В.К.).

²² Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

²³ Там же.

ной бомбардировкой стало понятно, что война подходит к концу, а вместе с этим приходит конец нацизму.

Конец 40-х годов жизнь Степуна и его жены по-прежнему не устоявшаяся. Но у кого она тогда была устоявшейся? Степун много ездит по городам с лекциями и докладами о России, которая стала очень интересовать немцев. При этом он пытается работать для немцев, ибо он ведь с 1926 г. имеет немецкое гражданство, а стало быть, немец. Его удивляет, что многие сумевшие эмигрировать его немецкие друзья, не возвращаются, чтобы работать для возрождающейся Германии. Так он недоумевает по поводу позиции своего старого друга Пауля Тиллиха. В письме к Кульману он даже довольно резок: «От Тиллиха мы имели недавно очередное «послание» и небольшое личное письмо. Личное письмо тронуло нас сердечностью, милым, старым звуком (помните, как он завидовал нам, что мы остаемся в Европе). Послание же к европейским друзьям очень разочаровало – какое-то унижение паче гордости: ничего-де не знаю, ничего-де не могу сказать, вам виднее. Через три года начну писать богословскую систему по требованию американских студентов, а пока что, простите, дешево, по случаю купил себе домик, так как скоро по годам выхожу в отставку. Дети – американцы; о возвращении ни полслова. Чем дольше я присматриваюсь к Германии, тем непонятнее становится мне национальное чувство немцев. С одной стороны – страшный национализм, а с другой – уж очень легкое забвение своей родины. В свое время Пауль присылал нам «нарочных» с целыми программами освобождения Германии. Вот Германия свободна, наступил как будто бы его час – только и разговору, что о христианстве и социализме. Совершенно замечательная молодежь, по своей духовной глубине и зоркости совершенно не сравнимая с той, с которой я встретился в 1926-м году, страстно жаждет живого и ответственного, горячего и трезвого слова. Людей мало, каждый значительный человек на счету, - а Тиллих не едет! Я лично с величайшей радостью завтра же поехал бы в свободную Россию, если бы в ней была бы возможность того дела, которое я сейчас делаю в Германии. Обо всем этом я Paulus'у еще не писал. Как-нибудь напишу. Вы же ему пока о нашем разочаровании ничего не пишете»²⁴.

Его позиция была оценена в новой Германии. Он получает кафедру в Мюнхене, куда переезжает с женой, где живет до конца своих дней. Но с конца 40-х годов до начала 50-х его не покидает страх. Причем страх, который он обсуждает в письмах с многими корреспондентами. Это страх, что советские войска займут и Западную Германию. В этом случае он был бы уж безусловно обречен, в этом Степун не сомневается. Возникают безумные идеи эмиграции в США. Однако оккупационные власти не помогают ему, поскольку он не может предъявить доноса на него, что означало бы преследование со стороны нацистского правительства. Он полон страха и отчаяния. Я хотел бы привести еще одно

письмо (из Бахметевского архива), адресованное владыке Иоанну (Шаховскому), уже натурализовавшемуся в США: «В Вашем последнем письме Вы писали мне, что если бы я мог найти какие-нибудь тропочки, чтобы перебраться из Германии в Америку, то было бы правильно перебираться. По причине моего довольства здешней моей жизнью, по какой-то усталости и жажде окончательной формы жизни, я до сих пор как-то отстранял от себя мысль о переезде за океан. Но тучи уж очень грозно собираются на горизонте. В душу невольно закрадывается тревога, и с каждым днем все определеннее чувствую себя сидящим на стуле с подпиленной ножкой. Так созрело во мне решение попытаться при случае перебраться в новый мир. Слышу, что у Вас там устраивается богословский институт, ближайшими сотрудниками в который привлекаются, кажется, Карпович, Федотов, о. Георгий Флоровский и Арсеньев. Я, конечно, не богослов, но все же мог бы читать, быть может, историю русской философии, историю русской литературы, социологию или что-либо в этом роде. Но может быть (Вам виднее) осуществимы и еще какие-нибудь формы моего существования. Быть может, кроме богословского Института существуют у Вас еще какие-нибудь другие ученые общества или организации, при которых можно хотя бы впроголодь кормиться. Я всю жизнь прожил весьма самостоятельным человеком, и потому мне очень не хотелось бы на старости лет ходить с ручкой и просить редакцию напечатать статейку. Не знаю я также, как вообще попадают в Америку и какие русские организации могут в этом деле мне помочь. Вы все это, конечно, знаете, в Ваших добрых чувствах ко мне я не сомневаюсь и потому очень надеюсь на скорый и добрый совет. Знаю, что отсюда едет очень много народа. Некоторых как-то вывозит Синод, который, думается, располагает в Америке гораздо меньшими связями, чем Феофиловская церковь.

Когда-то, во время Гитлера, Вы одним из первых сказали мне, что война неизбежна. В Вашем последнем письме Вы подтвердили мои сомнения довольно твердым словом о неизбежности и третьей войны. Быть может, Вы поговорите потому обо мне с моими парижскими знакомыми и профессорами Вашего института. Собираюсь я и сам написать Федотову или Карповичу, но было бы приятней, если бы инициатива исходила от Вас.

Простите, что обременяю Вас заботами о себе. Делаю это только потому, что уж очень не хочу попасться в лапы соотечественников. Если бы я был уверен, что они не захватят Германии, я бы не бежал из нее. Не смерть страшна, а советское издевательство и полная беззащитность перед охамившимся современным чертом. Слухи, идущие из Сов[етской] Зоны, совершенно ужасны, и люди бегут оттуда, бросая все и рискуя жизнью. Самое страшное, что там есть,

²⁴ Там же.

это полная беззащитность человека от абсолютного произвола. Завтрашний день не таит в себе никакой уверенности, что он будет повторением вчерашнего»²⁵.

Страх этот дожил до начала 50-х годов, когда он писал в 1952 г. Борису Вышеславцеву, тоже эмигранту, по совету которого он когда-то поехал в Гейдельберг: «Что сказать о себе? Как и все мы всё потеряли в Дрездене. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессуру по истории русской культуры (*Russische Geistesgeschichte*). Этим летом исполняется уже два года моей мюнхенской деятельности. Интерес к России очень велик. Меня слушают около 250 человек. Студенчество гораздо серьезнее, чем то, с которым я имел дело в Дрездене. Два католических патера пишут у меня докторские работы. Предложений публичных лекций не оберешься. В предстоящем летнем семестре я опять читаю во Франкфурте, Гейдельберге, Тюбингене, Штуттгарте и Гейльбронне. Могу сказать, что если бы не перспектива возможной войны и необходимого в связи с ней бегства отсюда, то мы были бы своей жизнью вполне довольны. Правда, я лично не верю ни в то, что война безусловно неизбежна, ни тем паче в то, что мы стоим накануне ее. Но все же и при моем неверии нет безусловной веры в то, что все обойдется благополучно»²⁶. Из этого письма уже видно, что Германия, наконец, оценила своего великого сына. Ибо он был в такой же степени и немецким писателем, как и русским.

Его восьмидесятилетний юбилей был фантастическим. Сотни писем, поздравлений, чествования в разных учреждениях Мюнхена, статьи в газетах. Через год в 1965 г. он скончался, скончался легко. И снова некрологи, обширные статьи в газетах и журналах. На стене дома, где он жил, по улице *Ainmillerstrasse 30*, установлена мемориальная доска. Степун остался в Германии, которую он так любил, за которую болел всем сердцем, но дух его, его тексты вернулись в не менее, если не более, им любимую Россию. Поразительное явление: немец, ставший великим русским философом.

²⁵ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Stepun, Fedor Avgustovich. To Vladyka Ioann. Письмо машинописное с рукописными вставками.

²⁶ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.